



Максим Кучеренко родился 26 июля 1972 года в г. Симферополь – российский рок-музыкант, автор песен, поэт. Один из основателей и постоянный участник группы «Ундервуд».

После школы окончил медицинский колледж, и позже поступил в Крымский медицинский институт (г. Симферополь). Женат, растит двух дочерей и сына.

Максим Кучеренко **г. Москва-Севастополь**

История куклы

В немеркнущих лучах фарфоровой столицы
Я куклу подарил одной большой певице.
На кукле были крылья и юбочка из ситца,
И так хотелось кукле подаренною быть.

Коли судьба свела с землёй карело-финской,
Так, стало быть, логично в театре Мариинском,
Обосноваться кукле, как точно деве Римской,
Среди Орфеев-Муз прекрасное ловить.

И вот, сбежав однажды в гримёрной от хозяйки,
Она примкнула в тятре к мышинной серой стайке.
И пела и плясала и на правах зазнайки
В той труппе танцевала и дивою была.

Ах кукла..! Сколь для счастья тебе, сердешной, надо
Чуток аплодисментов, немного шоколада,
Вот нам бы так, без этого продюсерского ада.
Без нервов, без контрактов, без славы, без бабла.

Я видел страну

Тимуру Кибирову

Я видел страну, и страна улыбалась навстречу
Так сдержанно, краешком кроткого рта.
И я целовал её там, где остатки бинта,
Она целовала меня в богатырскую печень.

Я видел страну, и страна проплывала, как клин
Загадочных птиц в вышине, недоступной радарам.
А я надевал либертинский мундирчик гусара,
Ложился на землю и вновь оставался один.

Я вновь оставался один, я закатывал к небу глаза,
И как шопоголик в примерочной, глядя в своё отраженье,
Я мерял ландшафт, задыхался в головокруженье
И чресла совал в рукава, и слепила меня бирюза.

Застёгивал ворот, повязывал галстук дорог,
В карманы совал верстовых – это то ещё горе.
И место, где Волга впадает в Каспийское море,
Оставил открытым, лишь дёрнул рукой свитерок...

Простой свитерок из пушистой травы я надел
Есенин нах ё... (Но не будем) Всплакнуть захотелось.
Родная ты спишь? Ты сплошных чернозёмов наелась?
Наелась и спишь, безобразница. Где твой предел?

Я видел страну. Я глядел и почти засыпал,
Но из-за бугра пограничник красивый вставал.
Он выстрелил в небо, хотел напугать сатану,
А я растворился. Я помню, я видел страну.

Комменты к монологу Сони

Мы будем жить, мой милый дядя,
Мы, дядя Ваня, будем жить.
В метель и в зной на эстакаде
Терпеть, и ждать, и тормозить
Машину. В ней судьба – водитель,
Но чередою вечеров
Несчитанных шептал: «Простите,
За сто рублей на всё готов».
Трудиться для других согбенно,
Не покладая пыльных рук.
И там, за гробом, сокровенно
Мы постучимся: тук-тук-тук...
«Откройте, мы в слезах остыли
И над землёю поднялись.
Мы очарованные были,
Топтали грязь, и гниль, и слизь.
В тяжёлых «гриндерах» ходили
И плакали, и вознеслись...»
И Господу нас станет жалко,
И милый дядя там внизу
Бессмысленною зажигалкой
Сверкнёт, в чём видели грозу
Мы неразумные и злые.
Я верую, мы отдохнём.
Мы отдохнем,
С высот скупые слезы угрюмые прольём.
Мы тучки просто будем, дядя.
И ангельский хрустальный глас
Нам пропоёт: «Ступайте ради..
В наш край небесный!
Вот алмаз!
А вот ещё один алмаз!
Все небо Господа для нас!»

И мы увидим: зло земное
Потонет в бирюзовой мгле!
Уж как хотелось нам с тобою
Из милосердия вовне
Прорваться в верхние пределы,
Где жизнь – как ласка, чистый пух
Мы отдохнём, пусть даже мелом
Тела распластанные вкруг
Рукой обводят детективы.
Я верую, мы отдохнём,
И не отыщут днём с огнём
Для нас ни гроба, ни могилы.

«Ну всё. Уже я не титан...»

Ну всё.
Уже я не титан...
Мне писем не писать во все края,
Как Горький мог.
Мне гимны не слагать, как мог Державин.
Мне выйти на золотой порог
Имперского успеха не дано.

Назначить я могу «Пирацетам»
И словом добрым жизнь украсить
Отчаянной душе: вот мой удел.
На лире виртуозно не играю,
Зато товарищей собрать могу,
И быть почином в деле общем,
Чтоб пошуметь у самого Олимпа
В его подножии – пожалуйста.
Вот счастье моё.

Хотя случалось так.
Вот бегом я иду, и волны бьют о душу,
И мысли враз всё яростней, всё суше,

И облака чудесною грядой
В моих очах встают.
Друг мой!
Поверь я в замыслах – гигант,
Я сам себе целитель!
Я вижу сквозь эфир блаженную обитель.
И сила мне идёт незримою струей.
И, точно как сосуд, я силой наполняюсь.
Пропитываюсь враз эссенцией такой.
И сам себя боюсь. И сам себя стесняюсь.

Мой ум в сии минуты вдохновенны
Нащупывает враз субстанции нетленны.
И Горький и Державин во гробах
Себя не ощущают одиноко.

Мне сядет на плечо игривая сорока.
Мне на колени прыгнет барсучок.
«Ай да Максюшенька, ай сукин ты сучок!»

Детсад невидимых детей

Детсад невидимых детей.
Мы слышим смех и топанье, и скрип качели,
И хруст разломленной зубами карамели,
И звуки жизни прочие.
Заклей свой глаз и будешь ты пиратом,
Заклей другой и станешь ты невидим.
Я проведу тебя, и сторож не увидит,
Я отведу тебя к невидимым ребятам.

И некоторое время осязанье
Рук маленьких и их зверьков тряпичных
Рисует в темноте не то созданья,
Не то фантомы из альбомов горемычных.
Там фото групповое безмятежны,

Наивных, неразумных обезьянок.
Топтали годы их. И где вы, дети, где же
Вы – примы утренников и жильцы полянок?

Невидимая Vita. Вита dolce...

Растянется бурёнкин колокольчик
В тяжёлые призывные удары,
И Агния Барто мелькнёт с Тamarой,
С крестом и сумкой. Парой. На ненастье
Подымет Дон Кихот свои пожитки,
И Гамлет тот же в маленькой пилотке.
Там в умывальнике на кафельные плитки
Мой друг Серёга клеит переводки,
Там хлорный запах тот знакомый, очень лёгкий
Нырнёт в эмалированные ведра,
И нянечка Венера из подсобки
С руками целыми возьмёт себя за бёдра
В рабочий миг, сдвигая хлопок платья.

В часы дневные, не способный спать, я
В стекло смотрел, где тусклый луч горит.
Там нет меня. Господь нажал дилит,
И в понедельник больше не болит

Детсадовское горло. Карантины
Среди чумы незримой точно карнавалы,
И мамы в спичечных коробочках рутинных
Сдают неподражаемые калы
Своих незримых чад,

Вкусивших пубертат,
Где позже ад свои развернул ниши.
И многие из тех ушли в тот край,
Где принято считать: шоу маст дай,
А говорить там принято чуть тише.